

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОСТУРБАНИСТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ: ГИПОТЕЗА И РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

ДОНЧЕВСКИЙ ГРИГОРИЙ НИКИФОРОВИЧ,

*доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой управления Высшей школы бизнеса,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: gndonchevsky@sfedu.ru*

КЛИМЕНКО ЛЮДМИЛА ВЛАДИСЛАВОВНА,

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры управления Высшей школы бизнеса,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: lvklimenko@sfedu.ru*

ЕРМИШИНА АННА ВЕНИАМИНОВНА,

*кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономической теории экономического факультета,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: AVErmishina@sfedu.ru*

На основе результатов полевых исследований анализируются ценностные ориентации представителей постурбанистических форм жизнедеятельности в современной России. Авторы выдвигают гипотезу о том, что на фундаменте урбанизированного типа жизнеустройства возникли и институционализируются новые перспективные (их рабочее наименование — постурбанистические) формы организации жизни и деятельности сообществ людей. В качестве ведущих в этой новой модели жизнедеятельности выступают следующие признаки: уход от городской связанности к новым формам вовлеченности в окружающую глобальную среду; важное место в моделях социально-экономической активности постурбанистов занимают современные технологические решения; принципиальным основанием постурбанистической модели является ориентация на семейно-трудовую модель жизнеобеспечения.

На материалах глубинных интервью показывается, что процессы постурбанизации протекают и поддерживаются ценностями постурбанистического типа. К важнейшим из них относятся: ценность уникализации, приходящая на смену ценности унификации; ценность современного семейного трудо- и бытоустройства, замещающая ценность фабрично-заводской отчужденности; ценность человекоцентристского технологического и социально-бытового уклада, конкурирующего с приоритетами машинного производства и стандартами потребления, ценность социального капитала в противоположность городской разобщенности.

Ключевые слова: *урбанизация; постурбанизация; институционализация; ценности; идентичность.*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект «Постурбанистические формы жизнеустройства в современной России: социоэкономический анализ» (№ 15-02-00444/15).

VALUE AND INSTITUTIONAL BASES OF POSTURBAN LIFESTYLE IN RUSSIA: HYPOTHESIS AND EMPIRICAL RESEARCH

DONCHEVSKY GRIGORY, N.,

*Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor,
Head of the Department of Management of the Higher School of Business,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: gndonchevsky@sfedu.ru*

KLIMENKO LYUDMILA, V.,

*Candidate of Sociological Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department of Management of the Higher School of Business,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: lvklimenko@sfedu.ru*

ERMISHINA ANNA, V.,

*Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department "Economic Theory" of Economics Faculty,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: AVErmishina@sfedu.ru*

Based on the results of field sociological studies, the paper analyzes value orientations and the nature of identification of representatives of post-urban life activity forms in contemporary Russia. The authors suggest the hypothesis of new promising forms (their operating name is post-urban ones) of life and activity organization in people's communities having already emerged and been institutionalized. The following signs act as leading ones in this new model of life activity: moving away from the urban binding toward new forms of involvement into the global environment; modern technological solutions – they occupy an important place in models of social and economic activity of post-urbanists; orientation to family and labor model of life support as a principal foundation of the post-urban model. Proceeding from the materials of in-depth interviews, the paper demonstrates that post-urbanization processes take place with and are supported by post-urban type values. The most important of them are the value of uniqueness succeeding the unification one, the value of modern family-based labor and daily life organization (it substitutes the value of factory- and plant-associated aloofness), the value of human-centered technological, social and daily patterns that compete with priorities of machine production and consumption standards, the value of social capital as opposed to urban fragmentation.

Keywords: *urbanization; post-urbanization; institutionalization; values; identity.*

JEL: R23, Y80, Z13.

Постановка проблемы

Постановка постурбанистической проблематики в современных общественных науках трактуется, как правило, в контексте противопоставления города и села, а связанные с таким противопоставлением процессы описываются, в конечном итоге, категориальной парой “урбанизация-дезурбанизация”. В стадийном плане данный подход базируется на ценностях индустриализма, в рамках которых город выступает местом концентрации населения, создавая возможности одновременно массового производства (в том числе прибыли) и местом массового потребления (прежде всего товаров и услуг). Однако в силу циклического характера индустриально-рыночного производства городское население

периодически оказывалось избыточным. И тогда, наряду (а не вместо) с потоком людей, покидающих деревню во имя города (урбанизация), возникал поток тех, кто покидал город, устремляясь в деревню (дезурбанизация) (Дончевский, 2015). Очень важно подчеркнуть: люди, покидая город, прощались с ценностями индустриализма, возвращаясь к аграрному укладу жизни и труда.

Практическая диалектика урбанизации/дезурбанизации в ее современном облике заключается в следующем. С одной стороны, в первом десятилетии XXI века численность городского населения планеты превысила численность населения, проживающего в деревне. С другой стороны и в то же самое время, массовый характер приобрело движение дауншифтинга (Birkett, 2011; Бутонова, 2009; Кононенко, 2012. С. 137-150). Его сторонники не только открыто порывают с городом, но также открыто провозглашают отказ от идеологии массового потребления/производства – основы основ индустриализма.

Противоречие между индустриализмом и дауншифтингом оказалось настолько ярким и острым, что затмило собой факт рождения и нарастания потока людей, исповедующих, несущих и практически (но без шума и гама) реализующих новый исторический тип ценностей – ценностей постурбанистического характера. Это ценность уникализации, приходящей на смену ценности унификации, которая хорошо укладывается в уже постулированный современной философией концепт множества (Харт и Негри, 2006). Это ценность современного семейного трудо- и бытоустройства, замещающей ценность фабрично-заводского барака как приписка внесемейного труда (даже если фабричный барак мимикрирует вначале под дом, напичканный квартирками, а затем и под спальный микрорайон). Это ценность человекоцентристского технологического уклада, который вытесняет на обочину жизни уклад, где человек выступает простым придатком машины. Это повышенная ценность социального капитала как способности и готовности к самоорганизации и коллективным действиям на основе взаимного доверия и уважения к личной свободе взамен «одинокости в городской толпе». Указанным списком не исчерпывается перечень ценностей постурбанистических форм жизнедеятельности. Перечень только начинается им.

Справедливости ради следует заметить, что некоторые исследователи уже внесли свой вклад в понимание того факта, что поток, направленный из города в деревню, имеет более сложную структуру, нежели это принято считать. Так, например, В. И. Звягинцев и М. А. Неуважаева в структуре «обратной миграции» выделяют четыре группы: пенсионеры, «программные» переселенцы, «беглецы», «искатели качественной жизни» (Звягинцев и Неуважаева, 2015. С. 111). Но, как следует из названий этих групп, в основу своей классификации названные ученые положили все-таки иное, нежели у нас, основание.

В данной статье мы делаем предметом своего внимания ценности постурбанизма, которые сопровождают процессы институционализации новых постурбанистических форм жизнедеятельности. Мы не только провозглашаем наличие данных ценностей и формулируем их первоначальный вид, но и подвергаем эти свои теоретические предположения проверке тем эмпирическим материалом, который был получен нами в ходе полевых социологических исследований.

1. Концептуальные основания исследования

В качестве ведущих признаков постурбанистических форм жизнедеятельности выделены следующие позиции:

1) Уход от городской связанности и новые формы вовлеченности в урбанистическую среду.

Город явил собой новый тип внутренней связанности людей, земли и капитала. Это позволило сделать мощный рывок по пути роста производительности всех и каждого из этих трех факторов. Однако затем (где-то в середине XX века) город мало-помалу начал переходить меру этой связанности, которая заложена в балансе

качества внутренней связности с качеством вовлеченности (включенности) города в процессы внешней среды. Перестав быть базовым основанием такой вовлеченности (уступив место не- организационно-поселенческим, а именно информационно-технологическим решениям), город, продолжал восприниматься главными типом связности. Тем самым городской (организационно-поселенческий) тип связности из средства обеспечения свободы (в нашем случае — свободы хозяйственно-экономической) превратился в средство нарастающей зависимости и подавления.

Постурбанисты, покидая город как место физического проживания или оставаясь в нем (в этом смысле постурбанисты делятся на две большие группы: на городских и сельских постурбанистов), не рубят связность, а если и рубят, то не с плеча и не сгоряча. Их главная цель даже (и вовсе) не связность. В центре внимания постурбанистов — новые формы, уровни и типы вовлеченности во внешнюю среду, - то, чего город не может им дать, как таковой. Но исторической, образовательной, культурной, экономической и социальной предпосылкой чего он, город, для постурбанистов является (причем, является несомненно). В известном смысле можно утверждать, что постурбанизация является одним из тех заместителей, через которые проявляет себя современная «деконструкция» и «диссеминация» в том смысле (хотя сами по себе они и бессмысленны), в котором понимает их Жак Деррида (*Деррида, 2007*).

2) Важное место в моделях социально-экономической активности постурбанистов занимают современные технологические решения.

Явление постурбанистической миграции (как сельской, так и внутригородской) заключается в следующем. Покидая город (реально или номинально) люди сам факт своего освобождения от давления урбанистической связности используют в двух последовательных целях. Либо для существенного (до экономически значимых пределов) расширения использования в своей жизнедеятельности тех современных технологий, с которыми они имели дело в городе, либо даже для перехода на новый, гораздо более высокий технологический уровень. В этом смысле постурбанистическая миграция является не столько пространственной, сколько технологической, а еще точнее — технокультурной миграцией.

3) Ориентация на семейно-трудовую модель жизнеобеспечения.

Одной из гипотез исследования выступает предположение о том, что движущей силой постурбанизма является достаточно осознанное стремление разрушить тот тип связи, который лежит в основе фабрично-заводской модели как основы связности современного города. Признаком зрелой стадии развития постурбанистических форм жизнедеятельности является восстановленное синкретичное единство трудовой и семейной деятельности, обеспеченное новейшими технологическими решениями.

2. Методика эмпирического исследования

Исходя из выдвинутых концептуальных гипотез был разработан исследовательский инструментарий опроса представителей постурбанистических форм жизнедеятельности в России.

Основным методом сбора эмпирического материала выступило проведение глубинных полуструктурированных интервью (*Ильин, 2006; Ядов, 2007; Белановский, 2001; Девятко, 1998*). Выбор этого метода сбора эмпирической информации объясняется тем, что целью качественного исследовательского поиска является «описание и интерпретация элементов жизненного мира интервьюируемого субъекта», но «содержание индивидуального жизненного мира надындивидуально», поэтому «исследователь копается в индивидуальном, чтобы увидеть в нём проявление социального» (*Ильин, 2006. С. 151, 181*) Способом интерпретации собранной информации выступает метод структурирования смысла посредством нарратива. Руководствуясь этим подходом и сопоставляя содержание нарративов собранных интервью, можно выделить типичные смыслы, которые

разные индивиды обретают в возникших типичных ситуациях. Тем самым осуществляется типизация социального опыта, приобретенного различными индивидами (*Franzosi, 1998; Страусс и Корбин, 2001; Дивисенко, 2011; Пузанова и Троцук, 2003*).

География опроса — Ростовская область, Краснодарский край, Калужская область, Московская область. Время проведения опроса — лето 2015 г. Всего опрошено 12 респондентов: 5 из них проживают в городе и 7 — за городом: в родовых поместьях, экопоселениях или просто в сельской местности (в частности, в исследовании изучались поселения родовых поместий «Росток» (Ростовская область), «Милёнки» (Калужская область), экопоселения «Цица» (Краснодарский край). Кроме того, в исследуемых поселениях реализовывалось невключенное наблюдение.

Критерии отбора респондентов. Первичные критерии: 1) новый тип деятельности, основанный на постиндустриальном технологическом укладе; 2) квалификация (компетенции) носителей, основанная на образовании/знаниях, сформированных и транслируемых в урбанистической среде; 3) синкретизм работы и семьи (нет разделения работа — дом). Вторичные критерии: 4) все взрослые члены семьи заняты новыми формами семейно-трудового хозяйства; 5) за счет реализации нового технологического уклада бюджет семьи получает не менее 70% доходов (зрелая форма постиндустриальной формы жизнедеятельности).

3. Результаты исследования

3.1. Эмпирические индикаторы.

В инструментарии эмпирического исследования был выделен ряд смысловых блоков вопросов, связанных с выявлением причин ухода от городской связанности и изменения типа жизнедеятельности; описанием моделей деловой активности субъектов постурбанистической жизнедеятельности; изучением структуры бюджета субъектов урбанистической жизнедеятельности и их различных совокупностей; выявлением социально-демографического профиля групп населения постурбанизационного типа; анализом ценностных ориентаций и характера идентичности представителей постурбанистических форм организации жизнедеятельности; описанием межличностных коммуникаций внутри поселений и характера взаимодействия с городом, а также представителями органов власти; изучением технологий жизнеобеспечения постурбанистических форм организации жизни и деятельности домохозяйств.

В рамках данной статьи остановимся на описании результатов исследования, относящихся к ценностным основаниям институционализации постурбанистических форм жизнедеятельности в российском обществе.

Ценностно-мотивационный комплекс трансформации образа жизни представителей постурбанизма выявлялся в исследовании посредством изучения: 1) субъективных мотивов изменения предыдущего вида/режима работы/места проживания; 2) смыслообразующих/ведущих идей «ухода»; 3) характера идентификации и ценностных ориентаций носителей постурбанистического уклада.

3.2. Мотивация и смыслообразующие идеи.

Проведенные эмпирические замеры показали, что ведущим мотивом изменения образа жизни выступают потребности в самореализации, свободе, творчестве, достижение которых было затруднительно в условиях индустриальных форм занятости. *«Хотел обрести свободу... Работодатели решают куда двигаться, а не ты ... Жизнь-то моя. Она не такая длинная. Хочется не просто прожить её, но и каких-то результатов достичь, оставить какой-то след»* (Влад, 28 лет, Ростов-н/Д). *«Мне не нравилась моя предыдущая работа, она была какая-то бесполезная. Я целый день тратила свое время, жизнь свою, на «делание» совсем бесполезной и никому не нужной работы. Мне было очень грустно от этого. Хотелось что-то делать, чтобы видеть результат»* (Мария, 29 лет, Москва). *«Прошлая работа в большей части была связана просто с яркой и звучной должностью... Сейчас я занимаюсь тем, что мне действительно интересно...*

меня окружают творческие и интересные люди». (Александр, 32 года, Ростов-н/Д). «Потому что появилось ощущение свободы. Свободы не только во времени, но и творческой». (Сергей, 34 года, садоводческое поселение). «Город задушил. Офис — это кошмар. Муж называл офисный стиль, галстук, сорочку, ремень, смирительной рубашкой, это очень напрягает. Да и сам вид деятельности. Сидеть в офисе с чужими бумажками, чужими деньгами... Не видишь ни весны, ни лета... В итоге вся жизнь проходит глупо и нелепо». (Лариса, 30 лет, пос. Александровка).

Идея уникализации, творчества, индивидуальности, личностного развития прослеживается в идентификационных репрезентациях опрошиваемых. В исследовании в упрощенном варианте использовался тест М. Куна «Кто я?» в качестве одного из инструментов изучения содержательных характеристик идентичности личности. Интервьюер предлагал опрошиваемому: «Ответьте, пожалуйста, на вопрос «Кто я?». Укажите просто 7-8 различных существительных в ответ на этот вопрос. Отвечайте так, как будто Вы отвечаете самому себе, а не кому-то другому. Располагайте ответы в том порядке, в котором они приходят вам в голову. Не заботьтесь об их логичности». Применение данной методики обосновано и апробировано в ряде исследований (Клименко и Денисова, 2013; Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России, 2006).

В числе первых пяти идентичностей, указанных постурбанистами, присутствовали содержательные вариации данных идей: «нестандартная, скажем, личность» (Влад, 29 лет, Ростов-на-Дону), «вне всяких сомнений я человек творческий и, причем, не умеющий скучать, не умеющий унывать...» (Ольга, 54 года, пос. Эльбезд. Ростовская область), «потому что природа моя все же творческая, созидательная» (Сергей, 34 год, садоводческое поселение, Ростовская область); «...я человек, у которого есть творческая энергия...То есть у меня не стоит задача вырастить 10 тонн капусты, но заниматься тем, чтобы это и кормило, и чтобы это было красиво, и чтобы это была интересная работа». (Владислав, 31 год, родовое поместье «Росток»).

Значимым фактором пересмотра жизненной стратегии выступает также идея «ухода» от ограничений и подавляющей связности урбанизированной среды: пробки, плохая экология, мусор, внешний вид и плотность расположения построек, ритм жизни, характер коммуникаций и пр. «Я один-единственный раз попробовала доехать на машине. Ехала в прямом смысле слова 5 часов. Хотя я работала на Красной площади...Обычно ездила на электричке, и это ужасно, конечно. С самого утра портится настроение». (Мария, 29 лет, Москва). «Тут такое скопление людей, иногда хочется побыть наедине с собой. А я не ощущаю, когда соседи кричат, что я наедине с собой». (Влад, 28 лет, Ростов-н/Д). «... Со всеми «трелестями» городской жизни — шумом, грязью, машинами, загазованностью, праздношатающимися подвыпившими компаниями» (Сергей, 34 год, садоводческое поселение). «Странные законы, вульгарная реклама, бешеные цены, деградирующий язык, — всё это не в силах изменить городскому жителю...». (Володар, 41 год, родовое поселение «Миленки»). «Мы жили в многоквартирном доме. Соседи сверху гремят, соседи снизу стучат. Ни дня покоя. **Город подавляет, город уничтожает**». (Лариса, 30 лет, пос. Александровка).

Степень дискомфорта от пространственно-коммуникативного давления городской среды разнится в зависимости от принадлежности опрошиваемых к одной из двух групп — проживающих в городе или уехавшим из него. Представители зарождающегося постурбанистического уклада в меньшей степени чувствуют «давление» города и стараются обойти существующие ограничения свободным графиком работы, возможностью работать удаленно, частотой поездок на отдых и пр. Хотя и в этой группе часто встречаются ориентации на последующий переезд для жизни за городом (у четырех из пяти опрошенных «городских» постурбанистов).

В ряде случаев, особенно среди тех, кто переехал жить за город, проявляется мотив критичного восприятия существующего общества потребления, навязывающего людям потребности и стандарты. *«Мы отвыкли от самостоятельности... Выбор еды, одежды, места жительства, веры, диктуется нам из вне. (...) Престижная работа, квартира с подземным гаражом, дача, очередная новая машина и уже немного приевшиеся поездки на море. Удачное замужество. Венеция на годовщину свадьбы. Дети в гимназии. Двадцать сапог, тридцать сумок. На сезон. Всё как у людей. (...) Но наши ли это желания? Или большинство наших стремлений — это просто следствие беспощадной рекламы банков, производителей смартфонов, квартир и автомобилей?»*. (Володар, 41 год, родовое поселение «Миленки»). Поэтому в дискурсивных практиках жителей эко- и родовых поселений более выражен мотив поиска альтернативы урбанистической цивилизации.

Здесь необходимо подчеркнуть, что намеченная концептуальная логика исследования предполагает отсев представителей так называемого социального эскейпа (побега) или «урбанолуддитов», которые разрывают все связи с городом и выражают активную или пассивную конфронтацию с существующей городской цивилизацией. Хотя, как утверждают ученые исследовательской группы «Циркон», которые в 2012 г. провели масштабное исследование российских экопоселений, «пока многие поселения рассматривают себя лишь в оппозиции цивилизации, дистанцируются от нее, замыкаются сами в себе..., и в этом смысле они становятся типичным примером эскапизма» (Циркон, 2012. С. 5). С другой стороны, авторы указанного исследования приходят к выводу, что «появляются поселения, которые открыты для мира, преследуют цель создать что-то новое именно для существующей цивилизации, показать ей новые перспективы и рубежи» (Циркон, 2012. С. 5). Однако авторы не конкретизируют, какие именно это перспективы.

В фокусе нашего исследования как раз и находятся носители иного типа жизнеустройства, которые, как уже отмечалось, ищут новые уровни и формы вовлеченности в социум, ориентированы на выстраивание многоуровневых коммуникаций с внешним, в т. ч. городским социумом. *«Мы не против города, мы не отшельники или сектанты. (...) Идея не в том, чтобы отрезаться от общества, это новая социальная форма. (...) Я активно общаюсь с городскими знакомыми, они часто приезжают к нам в гости..., ищу клиентов в социальных сетях... Мы публично заявляем свою гражданскую позицию, взаимодействуем с властью, продвигаем законопроект о родовых поместьях»*. (Владислав, 31 год, родовое поместье «Росток»).

Материалы глубинных интервью выявляют ещё одну смыслообразующую идею переезда (фактического или желаемого) в загород, заключающуюся в наличии наследственной/генетической связанности с природой и землей. *«Город меня напрягает с семи лет. Вот я себя как помню, в семь лет я оказался там, в какой-то деревне или еще где-то на даче... Мне всегда было шикарно в деревне... Это скорее связано с какими-то генетическими, наследственными свойствами или еще чем-нибудь. У каждого совершенно свои приоритеты. Я не люблю шторы на окнах, я люблю смотреть далеко в пространство. Я когда выхожу на улицу, где-нибудь в поле, я себя чувствую прекрасно. А если я вижу какие-то дома перед собой, или лифт, или еще что-то, мне некомфортно»*. (Лев, 38 лет, Москва-Подмосковье). *«На генном уровне я чувствую землю, я люблю землю..., у меня это ярко выражено. Я всегда стремилась к земле»*. (Ольга, 54 года, пос. Эльбузд, Ростовская область).

3.3. Идентификация и ценностные ориентации.

Жизненные приоритеты большинства опрошенных постурбанистов характеризует выраженная ценность семьи и семейных отношений. Она присутствует как в мотивах изменения образа жизни, так и на уровне мировоззренческих репрезентаций. *«Я очень семейный человек, для меня семья на первом месте, и все что я делаю — это для и во имя моей семьи»* (Александр, 32

года, Ростов-на-Дону). Среди носителей постурбанистического уклада часто присутствует мотив осознанного родительства: *«Я просто начал размышлять о ребенке и подумал, что ему лучше было бы в другом месте..., что я оставляю ему после себя, в какой мир я приглашу своего ребенка. (...) Знаете, есть воспоминание: «дедовский виноград»? У меня осталось в памяти эта свобода, когда можно бегать, купаться в речке. Этого я и хочу для своих детей».* (Владислав, 31 год, родовое поместье «Росток»).

В ходе полуструктурированного интервью опрошенным предлагалось выбрать из списка генерализованных ценностей три-четыре наиболее важных для них. Респондентам предлагалось определить наиболее важные для них ценности по следующей шкале: 1) материальный достаток; 2) семейное благополучие; 3) возможность интеллектуальной и творческой самореализации; 4) сохранение сил и здоровья; 5) интересная, приносящая удовлетворение работа; 6) уважение окружающих, общественное признание; 7) возможность пользоваться демократическими правами и свободами; 8) свобода от ограничений цивилизации, стрессов и давления города; 9) общение с друзьями; 10) другое (укажите). Подавляющее большинство респондентов указывали на семейное благополучие в качестве одного из наиболее значимых жизненных ориентиров. В рейтинге жизненных приоритетов постурбанистов выделяются также позиции интеллектуальной и творческой самореализации, сохранение сил и здоровья, интересная, приносящая удовлетворение работа. Для подгруппы загородных жителей более актуальна ценность свободы от ограничений цивилизации, стрессов и давления города, которая «городскими постурбанистами» часто не актуализируется в качестве приоритетной.

Ценностные и поведенческие установки на профессиональную самореализацию, тесно сопряженную с творчеством, ощущением свободы и удовлетворения от труда, красной нитью проходят через все интервью постурбанистов. *«Есть какой-то порыв, в позитивном смысле «казаковать» ... Творческая неподчиняемость каким-то рамкам строгим».* (Сергей, 34 года, садоводческое поселение). Важно отметить, что для многих опрошенных переезд и проживание за пределами города (реальное или проектируемое) совсем не означает отказ от прошлой профессии и переориентации на сельскохозяйственные работы. Наоборот, в новых условиях постурбанисты видят больше возможностей для реализации своих профессиональных и творческих устремлений: *«мне для работы нужны настрой, вдохновение, спокойное состояние духа... Этого сложно было достичь раньше, когда на работе тебя постоянно отвлекали сторонними поручениями, городской суетой...».* (Владислав, 31 год, родовое поместье «Росток»).

Конституирующим параметром организации жизни в рамках постурбанистического уклада является задействование в профессиональной деятельности новейших технологических решений. Как отмечалось, этот параметр выступал в качестве одного из критериев отбора респондентов. Поэтому в структуре идентичности практически всех опрошенных выявляется установка на принадлежность к прогрессивным группам населения. Все респонденты в той или иной степени задействуют интернет-технологии в своей работе (занимаются программированием, наладкой программного обеспечения, используют профессиональные программы, создают и обслуживают сайты, в том числе, для продвижения своей продукции и пр.). Не является этому помехой и жизнь в отдаленных от городской среды поселениях. *«Работы в поселении хоть отбавляй. И один из возможных вариантов — это дистанционная работа через интернет, благо, что интернет в поселении работает устойчиво, Скайлинк, МТС. Скорость соединения позволяет даже устраивать уроки по Скайпу... Программирование, веб-дизайн, переводы — у нас есть несколько человек, работающих удаленно через интернет. Один из наших поселенцев имеет успешный интернет-магазин экотоваров».* (Володар, 41 год, родовое поселение «Миленки»). *«Уклад жизни в экологических поселениях не противоречит веку информатизации».* (Веселин, 33 года, экопоселение «Цица»).

Отличительной чертой представителей зарождающегося хозяйственно-экономического уклада выступает также ориентация на значимую степень автономии — личностно-психологической, профессионально-трудовой и хозяйственно-бытовой. Не у всех респондентов она одинаково проявляется в трех указанных измерениях, но все ею обладают в первых двух выделенных проявлениях. Все принявшие участие в исследовании постурбанисты самостоятельно определяют вид своей деятельности, условия и график работы, с какими клиентами они работают, какие знания и инструменты развития им необходимы и пр.

На вопрос о личностных качествах, которые помогли респондентам изменить их образ жизни, многие постурбанисты отвечают, что это инициативность, умение брать ответственность за свою жизнь и не позволять другим решать, что им делать. *«В первую очередь ответственность за собственную жизнь. И еще, как мотивация достижения, а не мотивация избегания. Нужно чего-то хотеть и отвечать за свои желания».* (Сергей, 34 года, садоводческое поселение). Ориентация на собственные силы проявляется и через вопрос о том, на кого опрошенные рассчитывают в достижении своих жизненных планов. Большинство полученных ответов свидетельствуют: только на себя.

Кроме того, в рамках эко- и родовых поселений носители постурбанистических практик (в отличие от «урбанолуддитов») также сохраняют большую степень социальной обособленности и не являются сторонниками хозяйственной и духовно-мировоззренческой общинности. *«Все различается обустройством, укладом. У каждого разный уклад. Кто-то работает в городе, а поместье здесь. Кто-то здесь дело организовал. Кто-то наездами, еще не организовал. То есть это не община, и мы не живем по каким-то принципам общинного заработка. (...) Каждый планировал, видел свою мечту в шаблоне «родового поместья», но у каждого это видение очень разное».* (Владислав, 31 год, родовое поместье «Росток»). *«Антиавторитарность – один из принципов поселения. Нет руководителя или начальника. Все действия осуществляются добровольно, на основании договорённости между всеми заинтересованными лицами. Никто не обязан подчиняться кому-либо, а так же не вправе распоряжаться кем-либо или навязывать свою точку зрения».* (Веселин, 33 года, экопоселение «Цица»).

Осознанность (либо простое ощущение) той внутренней связности, которое задал им город в качестве их собственного бэкграунда, позволяет постурбанистам осуществлять социальный трансфер из типичных городских форм и видов связности, но не заменять их на другие, также ограничивающие свободу социокультурные системы. Тогда как ушедшие от городской цивилизации «урбанолуддить» образуют достаточно закрытые общности, более гомогенные по хозяйственно-бытовому укладу и мировоззренческим основаниям.

Между тем, ориентация на значимую степень автономии дополняется повышенной потребностью в формировании социального капитала в ближайшем и более широком окружении. К недостаткам города относится высокая концентрация людей при их взаимной отчужденности: *«...большой толпы не люблю ... И при этом люди мало друг друга знающие, совершенно посторонние и чужие люди. Агрессивная достаточно среда».* (Лев, 38 лет, Подмосковье). А в числе преимуществ негородского образа жизни постурбанисты выделяют тот факт, что *«...у меня какая-то своя территория есть, плюс всех знаешь в районе, чаще всего все знакомы друг другу».* (Влад, 23 года, Ростов-на-Дону).

Недоброжелательная среда часто складывается в городе и в отношениях с ближайшим окружением, например, с соседями по многоквартирному дому. У некоторых респондентов есть неудачный опыт участия в процессах жилищной самоорганизации: *«... там была такая ситуация и я решил не повторять её и не ходить на такие мероприятия».* (Влад, 23 года, Ростов-на-Дону о собрании собственников жилья в многоквартирном доме). Проявляется высокий уровень недоверия своим соседям-активистам в ТСЖ: *«...я не считаю, что туда идут люди*

достойные. Может, когда-то это было и так, а сейчас нет, сейчас коррупционерами и коррупцией там всё подернуто». (Ольга Игоревна, 64 года, математик, пчеловод, пос. Эльбузд).

Совсем иные отношения с ближайшим окружением складываются при переезде из города. Общение с соседями составляет существенную часть жизни респондентов из экопоселений. Описывая свой обычный день, респондент отмечает: «...пошел к соседям попить чайку, то есть пообщаться на поселенческие темы. Темы бывают разные. Они могут касаться растений или общественной жизни, или может какой-то информации интересной». (Владислав, 35 лет, экопоселение «Росток»). «Я человек достаточно общественный. Мне нужно общение. Мы все время с девочками соседками собираемся». (Елизавета, 24 года, экопоселение «Цица»). Соседи в экопоселении «Цица» часто собираются по вечерам петь песни и вести беседы. Взаимовыручка в вопросах строительства, быта, ухода за детьми является нормой жизни. «Важно иметь друзей, единомышленников, с которыми можно чувствовать себя легко в общении, понимать, что мы двигаемся в одном направлении». (Володар, 41 год, поселение «Миленки»).

Постурбанисты предъявляют достаточно высокие требования к своим соседям: «...ты выбираешь, ты знаешь, кто у тебя будет по соседству жить. Потому что в городе уже все настолько смешалось, ты не знаешь кто у тебя будет сосед, ты можешь въезжать в хороший дом, а у тебя там будет не поймешь какой сосед, и твои дети будут общаться, ну ты не знаешь, с кем они будут общаться». (Влад, 23 года, Ростов-на-Дону). «Мы не хотели, чтобы наши соседи галдели, курили, чтобы наши дети росли в этом пространстве, где это нормально». (Елизавета, 24 года, экопоселение «Цица»).

Для постурбанистов в экопоселениях особо ценно то, что соседи являются единомышленниками. «Конечно, мы разные люди. Из разных городов и социальных положений. Но тем не менее, нас объединяет схожая мечта». (Владислав, 35 лет, экопоселение «Росток») Определенно эта идея сформулирована Володаром (41 год, поселение «Миленки»): «Нам хотелось жить в сообществе похожих на нас людей». В экопоселениях нет заборов и замков на домах, что свидетельствует о высокой степени доверия соседям.

Сходные мечты и цели, по мнению респондента, позволяют легче решать и социальные вопросы: «У нас есть парковая территория, где мы вместе сажаем деревья, поливаем. Школа». (Владислав, 35 лет, экопоселение «Росток»). Соседская взаимопомощь и совместный труд существенно отличают поселенцев от городских жителей: «... мы больше работаем сообща» (Владислав, 35 лет, экопоселение «Росток»). В пригородах такие проекты часто являются вынужденными: «Собираемся соседи вместе, скидываемся деньгами, нанимаем технику, делаем дороги» (Сергей, 34 года, садоводство в пригороде Ростова-на-Дону).

Однако при производстве общественных благ неизбежны и конфликтные ситуации, генерируемые «проблемой безбилетника»: «Есть территория общего пользования и мы решили скидываться чтобы ее поддерживать. А есть люди, которые «филоняют», не поддерживают». (Владислав, 35 лет, экопоселение «Росток»). «...Не стоит при переезде в экопоселение возлагать каких-то особых надежд, на новый социум, идеальное общение. Люди там будут те же, что и до этого жили в городах. Отличие от города будет заключаться лишь в большем проценте, ваших соратников, единомышленников на одну единицу площади». (Володар, 41 год, поселение «Миленки»).

Потребность в формировании социального капитала в ближайшем окружении проявляется и в том, что постурбанисты часто активно участвуют в производстве общественных благ и на более широкой территории проживания. Так, в районном парке один из респондентов инициировал благотворительную акцию по посадке деревьев с именными табличками, планирует и в будущем более активно участвовать в общественной жизни местного сообщества: «...нужно как-то себя проявлять и на общественном поприще». (Лев, 38 лет, Подмосковье). Другой

респондент уже более года поддерживает волонтерский благотворительный сайт с целью «поднять село», организовал музыкальное сопровождение празднования 9 мая (Александр, 29 лет, Ростов-на-Дону). В восстановлении разрушенного Дома творчества в ближайшем хуторе участвуют и жители экопоселения «Росток».

Взаимодействие с соседями, плотность социальных контактов как критерии качественной жизни, способствующие формированию соседских сообществ переселенцев из города, отмечают и другие исследователи (*Звягинцев и Неуважаева, 2015. С. 116*).

4. Выводы и дискуссия

Таким образом, собранный эмпирический материал позволяет конкретизировать исследовательские гипотезы в части выявления ценностно-идентификационных оснований постурбанистического уклада в современном российском обществе. Можно выделить ряд смыслообразующих идей, обосновывающих поиск респондентами новых принципов организации жизнедеятельности: 1) критическое восприятие давящих ограничений городской цивилизации (ритм жизни, экология, коммуникации, потребительские стандарты и пр.); 2) желание получить свободу и самореализацию в трудовой деятельности; 3) духовные мотивы (тяга к земле, равновесие с природой, поиски смысла жизни, воспитание детей, преемственность поколений); 4) потребность в высоком уровне социального капитала в непосредственном окружении.

Тесно связаны с мотивационным комплексом ухода от городской связанности идентификационные характеристики личности постурбанистов. Эмпирические материалы показывают, что в структуре идентичности опрошенных с примордиальными компонентами (гендерные и семейные статусы, которые обычно лидируют в я-идентификациях) конкурируют параметры социально-достигательного Я (свобода, автономия, творчество, самореализация).

Выделенные ценностно-идентификационные характеристики выступают своеобразным мировоззренческим основанием, обеспечивающим направленность постурбанистов на осуществление трансфера в новый хозяйственно-экономический уклад, произрастающий на технологической базе городской цивилизации. Причем, водоразделом между относительно малочисленной группой носителей постурбанистических практик и группами внутренних мигрантов из города в сельскую местность выступает нацеленность на трудовую деятельность, включающую в себя современные технологии, размывание границ между работой и семьей, а также открытость к социуму. Более подробно эти аспекты освещены в (*Дончевский, Клименко и Ермишина, 2015*).

Описанное исследование не завершается проведенным здесь анализом самосознания и ценностных ориентиров постурбанистов. В дальнейшем оно предполагает установление социокультурной направленности и социальных факторов формирования постурбанистических форм жизнедеятельности, определение на этой основе потенциала этих новых форм организации жизни в снижении уровня социально-экономического неравенства и конфликтности в социуме. Эти вопросы служат предметом дальнейших наших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белановский С. А.* (2001). Глубокое интервью: Учебное пособие. М.: Никколо-Медиа.
- Бутонова Н. В.* (2009). Дауншифтинг. Новое правило-отказ от всяческих правил. — В «*Новые традиции*». Коллективная монография под ред. Е. Э. Суровой и С. А. Рассединой. СПб.: ИД "Петрополис".
- Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России (2006). / Отв. ред. В.С. Магун. М.: Издательство Института социологии РАН.
- Девятко И. Ф.* (1998). Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та.

- Деррида Ж.* (2007). Диссеминация. Екатеринбург: У-Фактория.
- Дивисенко К. С.* (2011). (Авто)биографический нарратив как коммуникативное действие и репрезентация жизненного мира // *Социологический журнал*, № 1, с. 36-52.
- Дончевский Г. Н.* (2015). Концептуально-методологические основы исследования постурбанизационных форм жизнедеятельности // *Общество и экономика*, № 8-9, с. 219-229.
- Дончевский Г. Н., Клименко Л. В. и Ермишина А. В.* (2015). Деятельностно-технологическая специфика апшифтинга как основной формы постурбанистического развития: концептуальные контуры и эмпирические замеры // *Общество и экономика*, № 8-9, с. 230-236.
- Звягинцев В. И. и Неуважаева М. А.* (2015). Переселенцы из города в сельскую местность: феномен обратной миграции в современной России // *Мир России*, № 1, с. 101-135.
- Ильин В. И.* (2006). Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис.
- Клименко Л. В. и Денисова Г. С.* (2013). Особенности региональной идентичности населения Юга России // *Социологические исследования*, № 7, с. 34-43.
- Кононенко Р. В.* (2012). Жизнь и карьера в практиках дауншифтинга. — В *Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности* / Под редакцией П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, с. 137-150.
- Пузанова Ж. В. и Троцук И. В.* (2003). Нарративный анализ: понятие или метафора? // *Социология: 4М*, № 17, с. 56-82.
- Страусс А. и Корбин Дж.* (2001). Основы качественного исследования. М.: Эдиториал УРСС.
- Харт М. и Негри А.* (2006). Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная Революция.
- Циркон* (2012). Экопоселение как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения. Итоговый комплексный аналитический отчет. С. 5. (http://www.zircon.ru/upload/iblock/841/Jekoposelenija_otchet_ZIRCON_2012.pdf — Дата обращения: 06.07.2015).
- Ядов В. А.* (2007). Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности, 3-е изд., испр. М.: Омега-Л.
- Birkett H.* (2011). Downshifting as a Career Transition // 7th International Critical Management Studies Conference Proceedings, 2011 (http://www.organizzazione.unina.it/cms7/proceedings/proceedings_stream_26/Birkett.pdf — Дата обращения: 15.09.2015).
- Franzosi R.* (1998). Narrative Analysis or Why (and How) Sociologists Should Be Interested in Narrative // *Annual Review of Sociology*, no. 24, pp. 517-554.

REFERENCES

- Belanovsky S. A.* (2001). In-depth interview: a study book. Moscow, Nikkolo-Media Publ. (In Russian).
- Birkett H.* (2011). Downshifting as a Career Transition // 7th International Critical Management Studies Conference Proceedings, 2011. (http://www.organizzazione.unina.it/cms7/proceedings/proceedings_stream_26/Birkett.pdf. — Access Date: 15.09.2015).
- Butonova N. V.* (2009). Daunshifting. The new rule — refusal from all rules. *New Traditions*. Collective monograph ed. by E. E. Surova and S. A. Rassadina. St. Petersburg, ID "Petropolis". (In Russian).
- Derrida J.* (2007). La Dissemination. Ekaterinburg, U-Faktorija Publ. (In Russian).
- Devyatko I. F.* (1998). Methods of sociological research. Ekaterinburg, Publ. House of Ural University. (In Russian).

- Divisenko K. S.* (2011). (Auto)biographic narrative as a communicative action and representation of the life world. *Sociological Journal*, no. 1, pp. 36-52. (In Russian).
- Donchevsky G. N.* (2015). Conceptual and methodological bases of post-urban lifestyles research. *Society and Economy*, no. 8-9, pp. 219-229. (In Russian).
- Donchevsky G. N., Klimenko L. V. and Ermishina A. V.* (2015). Activity-technological specifics of up-shifting as the main form post-urban development. *Society and Economy*, no. 8-9, pp. 230-236. (In Russian).
- Franzosi R.* (1998). Narrative Analysis or Why (and How) Sociologists Should Be Interested in Narrative. *Annual Review of Sociology*, no. 24, pp. 517-554.
- Hardt M. and Negri A.* (2006). *Lots: war and democracy in the age of empire*. Moscow, Publ. House "Cultural Revolution". (In Russian).
- Ilyin V. I.* (2006). Drama of a high-quality field research. St. Petersburg, Intersotsis Publ. (In Russian).
- Klimenko L. V. and Denisova G. S.* (2013). Particularities of regional identity of population of the South of Russia. *Sociological Research*, no. 7. (In Russian).
- Kononenko R. V.* (2012). Life and career in practices of downshifting. In: *Anthropology of Professions: Occupational Boundaries in Turbulent Times*. Ed. by P. Romanov and E. Iarskaia-Smirnova. Moscow, Variant: GSPGS, pp. 137-150. (In Russian).
- Public, Ethnic and Religious Identities in Contemporary Russia. Ed. by V. S. Magun. Moscow, Publ. House of IS RAS, 2006. (In Russian).
- Puzanova Zh. V. and Trotsuk I. V.* (2003). Narrative analysis: a notion or a metaphor? *Sociology: 4M*, no. 17, pp. 56-82. (In Russian).
- Strauss A. and Corbin J.* (2001). *Foundations of high-quality research*. Moscow, Editorial URSS. (In Russian).
- Yadov V. A.* (2007). A strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality. Moscow, Omega-L Publ. (In Russian).
- Zirkon* (2012). Ecovillage as a form of inner emigration: motivation and prospects of proliferation. Final integrated analytical report. (http://www.zirkon.ru/upload/iblock/841/Jekoposelenija_otchet_ZIRCON_2012.pdf — Access Date: 15.09.2015). (In Russian).
- Zvyagintsev V. I. and Neuvazhaeva M. A.* (2015). Migration from Urban to Rural Areas: the Phenomenon of Counter-urbanisation in Modern Russia. *Universe of Russia*, no. 1 (24), pp. 101-135. (In Russian).